

Динамика правлящего режима в России

Если режим продолжит нынешний курс, именно выборы, скорее всего, станут критическим событием, вокруг которого будет формироваться недовольство, перерастающее в нестабильность режима | **ГЕНРИ ХЕЙЛ**

Бурная российская зима 2011/12 года, отмеченная крупнейшими уличными протестами, каких Москва не знала с 1990-х, придала новый импульс размышлениям о будущем, ожидающем правящий режим в России, и о перспективах серьезной демократизации, которая ныне вдруг стала казаться реальной¹. В данной статье эта проблема рассматривается в свете внутренней логики, присущей российской политической системе (для характеристики которой мы используем термины «микроуправляемая», или «сверхуправляемая», демократия²). Анализируются также возможные пути ее развития в ближайшие двенадцать лет в сопоставлении с эволюцией некоторых сходных режимов в других странах. Особое внимание в статье уделено: (а) факторам, благоприятствующим возникновению и нарастанию в широких массах настроений в пользу смены режима; (б) набору необходимых условий, способных спровоцировать внезапную массовую «измену», «отречение» от режима должностных лиц и других лоялистов, а также (в) формированию институциональных и структурных предпосылок, без которых невозможно — после падения режима — инициировать процесс реальной демократизации. По иронии судьбы, сравнительный анализ показывает, что как раз жажда безопасности

и стремление обеспечить гарантии стабильности в максимальной степени повышают шансы на дестабилизацию режима и делают его более уязвимым для непредсказуемых восстаний и следующего за ними краха. Но при всем при том подлинная демократизация в России до 2025 года остается маловероятной, хотя и возможной. Более реальной представляется модель циклической смены режимов, когда период политической открытости, приходящий вслед за отстранением предыдущего режима от власти, прерывается и сменяется чем-то похожим на этот предыдущий режим, несмотря на расширяющееся влияние социальных сетей и нарастающие в обществе требования перемен. Сохранение у власти нынешнего руководства и нынешней микроуправляемой демократии в принципе возможно. Но в таком случае Путин и его окружение упускают пока еще имеющиеся у них шансы укрепить систему и свои собственные позиции в ней на отдаленную перспективу, — упускают в первую очередь из-за того, что позволяют подрывать авторитет своей — доминантной — партии и перечеркивают важный результат, достигнутый благодаря избранию президентом Дмитрием Медведевым, то есть обеспечение преемственности (а это, как известно, ахиллесова пята всех недемократических режимов)³.

Микроуправляемая демократия в России

Попробуем представить себе политическую историю постсоветской России как процесс отхода от коммунизма, по мере развития которого возникло множество самых разных неформальных политических и экономических сетей, постепенно складывавшихся вокруг доминирующего «патрона», каковым большую часть этого времени являлся президент страны⁴. И в самом деле, Россия справедливо считается политическим обществом, где всё определяют отношения «патрон—клиент», где неформальные правила и законы важнее формальных и где самыми влиятельными коллективными акторами, как правило, являются не формальные институты в лице партий и парламента, а разветвленные обширные сети знакомств, включающие как бизнесменов, так и политиков. Такие сети пронизывают весь спектр формальных институтов, не будучи ими ограничиваемы или наделяемы полномочиями⁵. Например, в 1990-х многие сети возникали на базе «олигархических» корпоративных конгломератов с фактическим взаимопроникновением государства и бизнеса (таков был «ЮКОС» Михаила Ходорковского), или это были более замаскированные сети бывших сотрудников КГБ с опорными пунктами как в государственных структурах, так и за их пределами, или же региональные политические машины, подобные тем, что существовали в Москве, Башкирии и Краснодаре.

Является ли такая полития «открытой» (и по видимости «демократической») или «закрытой» (и с виду «авторитарной»), гораздо меньше зависит от структуры и деятельности конкретных формальных институтов, нежели от степени сплоченности обширных политико-экономических сетей вокруг одного патрона в виде этакой «единой пирамиды» власти — в противоположность рассогласованным действиям людей, открыто претен-

дующих на статус патрона в системе «конкурентной пирамиды». И если, например, субъект, контролирующий значительные финансовые потоки, понимает, что будущее его бизнеса зависит от хороших отношений с действующей властью (которая держит в своих руках выдачу лицензий, налогообложение и даже может посадить своего оппонента в тюрьму), и осознаёт, что, передавая деньги оппозиции или объективно освещая ее действия в принадлежащих ему СМИ, он рискует ухудшить эти отношения, то никакой формальный закон о запрете оппозиционных партий просто не нужен: оппозиционные силы продолжают существовать, но в условиях нехватки ресурсов и каналов воздействия на общество их развитие существенно замедляется⁶. В том и состоит одна из важнейших особенностей микроуправляемой демократии, что оппозиция как таковая не объявляется вне закона и, как минимум, некоторые противники режима допускаются к участию в выборах или даже претендуют на высшие должности в стране. Но при этом для нейтрализации подобной «конкуренции» вместо прямого контроля используется широкий ассортимент косвенных методов⁷.

В 1990-х в России фактически существовала конкурентная «пирамидальная» система с мощными сетевыми кластерами, которые использовали все имевшиеся в их распоряжении ресурсы в тотальной междоусобной борьбе за власть, максимально обострившейся в сезон выборов 1999—2000 годов⁸. Победив в этой борьбе, Путин в «нулевые» усовершенствовал косвенные методы управления оппозицией, побуждая и вынуждая крупные сети согласовывать их деятельность с его намерениями (этому способствовал и рост экономики, позволявший всем увеличивать свою долю в прибылях)⁹. Основными вехами здесь стали, конечно, демонстративный арест Ходорковского, который заставил других олигархов отказаться от мысли, что

они могут бросить вызов системе, не рискуя быть изгнанными из страны и лишиться своего богатства, а также ряд реформ, проведенных после бесланской трагедии 2004-го и вызвавших впечатляющую череду отказов губернаторов от своих электоральных мандатов в пользу системы, в рамках которой они фактически назначаются президентом ¹⁰.

Поскольку люди и социальные группы в подобных системах озабочены в первую очередь собственными средствами к существованию и благополучием своих семей и знако-

мые лидеры всеми силами следуют в отношении элит принципу «разделяй и властвуй» (из-за этого та или иная элита не может надеяться на поддержку большинства других элит в том случае, если она выступит против доминирующего патрона) и всячески препятствуют согласованным действиям, которые могут помешать исполнению режимом своих обещаний и угроз. Примерно такое «управление» и реализуется в концепции «управляемой демократии», и Россию называют микроуправляемой демократией по той

“Элита организует свою деятельность в соответствии с волей патрона, но отдельные элиты часто конкурируют между собой за лучшие позиции в системе”.

мых, то есть не желают жертвовать всем этим ради идеологических соображений (на это готовы лишь немногие российские элиты ¹¹), одной из важнейших особенностей таких систем является то, что их жизнеспособность фактически зависит от *ожидаемой* длительности пребывания нынешнего патрона у власти и тем самым от вероятности выполнения им своих обещаний поощрить или наказать кого-то. В свою очередь, ожидания достаточно длительной дееспособности лидера покоятся на убеждении каждой конкретной элиты, что если она нарушит правила игры, то *другие* элиты за ней не последуют и останутся объектами высочайших поощрений и наказаний. Поэтому каждая конкретная элита, ожидая, что другие элиты исполнят указания президента, будет делать то же самое, так как сопротивление в таких обстоятельствах бесполезно и приведет, скорее всего, к экспроприации ресурсов сопротивляющихся (или к чему-то худшему).

Таким образом, власть в подобных клиентелистских обществах, как правило, уподобляется чему-то вроде самосбывающегося пророчества, в том смысле, что государствен-

ные причины, что это управление стало теперь чрезвычайно сложным и изощренным ¹². Стремясь избежать потерь и пытаясь получить преимущества от пребывания в системе, элита даже и не мыслит бросить ей вызов. Напротив, она организует свою деятельность в соответствии с волей патрона, хотя отдельные элиты часто конкурируют между собой в стремлении занять лучшие позиции в системе и яростно охраняют свое место в ней от возможных вторжений других элит. Но искусство руководить складывается в равной мере как из управления ожиданиями, так и из управления институциональными рычагами системы, поэтому залогом успешного сплочения элит вокруг верховного патрона является создание и поддержание у них ощущения, что никаких жизнеспособных альтернатив патрону и его команде не существует.

Вообще говоря, такие системы могут рухнуть при наличии двух условий, разрушающих сплоченность элит вокруг действующего патрона. Прежде всего, важнейшей (если не абсолютно необходимой) предпосылкой является открытое стремление народных масс или самих элит к смене руководства.

Но одного этого недостаточно. Ведь режим обычно имеет в своем распоряжении мощный аппарат принуждения, с помощью которого он поддерживает свое превосходство над общественной оппозицией (как это происходило в СССР на протяжении многих десятилетий). Конечно, для этого режим должен быть уверен в лояльности аппарата принуждения и в его готовности исполнять приказы верховного патрона, имеющие целью подавить выступления народной оппозиции.

Итак, ключевой вопрос состоит в том, желают ли элиты смены режима. В ярко выраженной клиентелистской системе, где

власти своего ставленника, который может оказаться намного хуже прежнего лидера. Между тем в постсоветской России верховные патроны (Ельцин и Путин) зарекомендовали себя мастерами обеспечения сложного равновесия при сохранении соперничества между основными социальными сетями («баланс сдержек и противовесов»), а это значит, что даже если все элиты захотят смены режима, им будет трудно согласовать, каким должен быть новый режим и когда надо приступить к реальным действиям по его свержению. В результате само антирежимное выступление становится маловероятным.

“Даже если все элиты захотят смены режима, им будет трудно согласовать, когда надо приступить к его свержению и каким должен быть новый”.

лишь немногие готовы пожертвовать собой, своими близкими и знакомыми во имя идеологических принципов, в том числе и ради смены режима, их предпочтения сами по себе вряд ли будут иметь решающее значение. С одной стороны, даже если они сами действительно захотят смены режима, они будут по-прежнему сталкиваться с проблемой организации коллективных действий, о которой говорилось выше: чтобы начать борьбу за смену режима или присоединиться к ней на ранних этапах, элиты должны не только хотеть этого сами, по отдельности, но и должны быть уверены в том, что к их борьбе присоединится достаточное число других элит, чтобы вместе получить определенные шансы на победу; в противном случае, при поражении, оппозиционные элиты, скорее всего, ждет строгое наказание. И еще они должны быть уверены, что результатом их усилий станет приход к власти нового лидера, который с точки зрения защиты их интересов будет лучше отстраняемого, и что элитам-соперницам не удастся поставить у

Однако элиты более склонны инициировать смену режима, если они почувствуют, что им будет обеспечена широкая общественная поддержка, потому что в такой схватке именно массовая поддержка может стать ключевым фактором, особенно в ситуациях, когда высшую должность занимает официально признанный победитель выборов. Действительно, осуществлять фальсификацию тем труднее, чем больше результаты выборов расходятся с массовыми ожиданиями. Кроме того, при мощной общественной поддержке уличная мобилизация становится менее опасной и менее затратной для элиты, в то время как для властей подавление массовых митингов — дело дорогостоящее и рискованное. В целом, вероятно, мнение масс является более важным фактором изменений, нежели мнение элит, если только последние не образуют критическую массу приверженцев определенной идеологии, ради которой они готовы пожертвовать всем — друзьями, близкими и самими собой (перспектива на ближайшее десятилетие в

России крайне маловероятная, хотя иногда случаются и более удивительные вещи)¹³. Во всяком случае, это объясняет, почему все президенты, отстраненные от власти в результате постсоветских «цветных революций», принадлежали к числу самых непопулярных на постсоветском пространстве¹⁴.

Когда в обществе существует массовое стремление к подлинной смене руководства, решающей предпосылкой трансформации такого порыва в действие по свержению или коренному преобразованию «властной пирамиды» является формирование некоего набора условий, способствующих массовому отходу элит от верховного патрона. Чтобы некое событие могло стать таким решающим фактором, оно должно удовлетворять двум условиям: во-первых, порождать в сознании людей мысль о неизбежности падения существующего режима и, во-вторых, так или иначе указывать на конкретный момент времени, когда это должно произойти, или — точнее — момент, когда, *согласно ожиданиям элит, другие элиты отвернутся от правящего режима* и, таким образом, лишат его способности проводить политику кнута и пряника. Очевидно, что одним из таких критических событий, способных спровоцировать измену элит и массовые волнения в государствах с недемократическими режимами (которые тем не менее по-прежнему позволяют хотя бы некоторым представителям оппозиции конкурировать на выборах со ставленниками режима)¹⁵, как раз и являются выборы. И в первую очередь это относится к выборам, после которых действующий лидер в соответствии с конституцией страны должен оставить пост президента (то есть президентские выборы со сменой власти), потому что такие выборы как раз и являются тем моментом времени, когда массы и элиты, заинтересованные в смене режима, могут ожидать, что другие группы населения, разделяющие те же чувства, выступят заодно с

ними. Вспомним, что начиная с конца 1990-х в постсоветских странах президента свергали тогда, когда он не только становился непопулярным, но и когда конституционный срок его пребывания у власти заканчивался или когда он сам принимал решение не добиваться переизбрания¹⁶.

Даже в России, где популярность Путина позволила ему править несколько сроков подряд, выборы каждый раз вызывали серьезные трения внутри элиты, а электоральный сезон 2011/12 года был и вовсе отмечен массовыми протестами и ситуацией значительной неопределенности. Однако ярче всего эта тенденция проявилась в 1999-м, когда конституционный срок президентства крайне непопулярного Ельцина подошел к концу и почти все политические «звезды» России вступили в игру: механизмы за три года до того созданной политической машины, состоявшей из олигархов, чиновников и губернаторов, которые были наспех собраны вместе, чтобы добиться победы на выборах 1996 года, казалось, пошли вразнос. Между основными коалициями элит началась беспощадная схватка, причем был момент, когда наблюдателям казалось, что победу одерживает оппозиционная партия «Отечество — вся Россия» во главе с мэром Москвы Юрием Лужковым и бывшим премьер-министром Евгением Примаковым. На самом же деле это был просто бессистемный ряд событий, включая отчаянные усилия Кремля (которые вполне могли бы закончиться провалом) и стремительный взлет популярности Путина, обусловленный его смелым руководством после взрывов жилых домов в 2000-м¹⁷, что в конце концов и побудило элиты отказаться от коалиции Лужкова — Примакова, объединиться вокруг Кремля и содействовать решающей победе Путина на выборах 2000 года¹⁸.

Выборы, будучи критическими моментами в жизни общества, всегда являются достаточно предсказуемым источником неста-

бильности и, как минимум, предоставляют высшему руководителю возможность подготовиться и побороться за то, чтобы остаться у власти, или достойно уйти в отставку¹⁹.

Сравнительный анализ показывает, что там, где режим не допускает на выборах никакой неопределенности, целенаправленно отфильтровывая кандидатов, сводя к минимуму влияние общественного мнения (даже если оно находит отражение в контролируемых средствах массовой информации) и исподволь подталкивая выборный процесс к желаемому результату, критические моменты, способ-

нибудь событие захватит воображение масс и возбудит эмоции, это может привести к резкому увеличению числа людей, выражающих свое недовольство, и тем самым побудить других делать то же самое.

В замечательном исследовании Тимура Курана показано, что такие вспышки протеста весьма неожиданны по своей природе: они, в сущности, непредсказуемы, но если они возникают, то сдержать их практически невозможно²⁰. Так было в Африке, когда после демократических революций в Восточной Европе в конце холодной войны

“В «чисто авторитарных» странах массовые протесты, приводящие к крушению режима и расколу внутри элиты, возникают неожиданно”.

ные вызвать массовое дезертирство элит и крушение режима, возникают все реже и реже, однако при этом они становятся все более непредсказуемыми и, как кажется, в любой момент способны взорвать ситуацию. Согласно одной из теорий, если «управляемая» демократия часто вызывает дезертирство элит, что, в свою очередь, позволяет протестным настроениям вырасти до масштабов, угрожающих существованию режима (революция, направляемая элитами), то в «чисто авторитарных» странах наблюдается противоположная тенденция: здесь массовые протесты, приводящие к крушению режима и расколу внутри элиты, возникают неожиданно (революция, направляемая массами). Иными словами, внезапное усиление протестов может побудить элиты отказаться от поддержки существующего режима, оседлать волну протеста и создать впечатление обреченности режима, способствуя тем самым его распаду как бы во исполнение самосбывающегося пророчества. В таких условиях протесты могут вспыхнуть внезапно и по самому неожиданному поводу. Например, если какое-

здесь вспыхнули массовые протесты, вызвавшие в первой половине 1990-х раскол элит и волну либерализации в авторитарных и, казалось бы, вечных африканских «неопатриархальных» режимах²¹. И когда подобное происшествие (провинциальный торговец фруктами совершил самосожжение) случилось в 2011-м в арабском мире, это возбудило эмоции общественности и привело к взрыву протестов в Тунисе, что побудило военных сместить президента страны, а затем тунисские события резонировали еще более масштабные протесты в Египте, и египетские военные, увидев, что многолетнее правление Хосни Мубарака подходит к концу, отстранили его от власти и провели новые выборы. Египетские события, в свою очередь, спровоцировали сходные волнения по всему арабскому миру, давно заслужившему репутацию оплота авторитаризма, причем, казалось бы, ничто не предвещало грядущего взрыва. Практически все наблюдатели называют эти события ошеломляющими по своей стремительности, хотя в этом регионе давно уже имелись серьезные проблемы и нарастало

общественное недовольство²². Аналогичным образом низложение в 1848 году короля Франции Луи-Филиппа вызвало внезапный «лесной пожар» протестов, который всего за один месяц охватил большую часть Европы и перекинулся даже в Латинскую Америку, попутно свергнув немало первых лиц, и все это в мире, где самым современным средством связи был телеграф!²³ Все это позволяет также сделать вывод, что протесты особенно сильно подрывают доверие к чисто авторитарным режимам и провоцируют дезертирство ведущих элит, если такие протесты оказываются частью более обширной международной цепи событий, так или иначе свидетельствующих о том, что старая система правления исторически обречена.

Некоторые из этих «волн» революций, как и постсоветские «цветные революции», показывают также, что смещение лидера само по себе не обязательно ведет (или даже, как правило, не ведет) к действительно необратимым изменениям в политической системе. Если накануне или во время свержения лидера основы политической системы остаются по тем или иным причинам незатронутыми, существует большая вероятность того, что восстановится режим, похожий на прежний. Исследования позволяют предположить, что для того, чтобы смена руководства привела к настоящей, устойчивой демократизации, необходим хотя бы один важный сдвиг. Наверное, важнее всего ускорение экономического развития; правда, появляется все больше данных, указывающих на то, что само по себе оно не приводит к демократическим изменениям, однако способствует закреплению демократических начал, обусловленных другими причинами²⁴. Еще одно важное изменение — это отказ от президентской конституции (хотя в литературе по сравнительной политологии единой точки зрения по этому вопросу нет)²⁵. В России многие полагают, что с развитием социальных сетей

системе будет все труднее осуществлять политический контроль над обществом и тем самым препятствовать становлению демократии, однако ряд исследователей высказывает серьезные сомнения на этот счет, а события 1848 года показывают, что массовые скоординированные акции протеста в любом случае обусловлены не только средствами коммуникации²⁶. Из других исследований следует, что важными факторами, способствующими преобразованию энергии смены режима в подлинную демократизацию, можно считать тесную связь с Западом и восприимчивость к его влиянию²⁷. Само собой разумеется, что перечисленные выше факторы, способствующие смене режима после революции, не всегда сопутствуют друг другу и некоторые из них могут оказаться намного более действенными, чем другие. Например, демократизация в Латинской Америке после падения военных режимов в 1980-х показала, что президентская форма правления вполне совместима с демократизацией, хотя, возможно, в этом случае именно связи с Западом и восприимчивость к его влиянию помогли не допустить восстановления автократии²⁸.

Заглядывая в 2025 год: общественное мнение, критические моменты и условия для консолидации демократии

Имеются ли сейчас в России условия для разного рода перемен, а если нет, то каковы шансы на то, что они возникнут за чертову дюжину лет, оставшихся до 2025 года?

СТРЕМЛЕНИЕ К СМЕНЕ РЕЖИМА Прежде всего попробуем оценить уровень желания сменить режим в широких массах населения. Вполне возможно, что устойчивость путинской системы в последние двенадцать лет во многом объясняется способностью Путина и его ближайшего окружения поддерживать высокий уровень народного одобрения проводимой политики²⁹. Доверие к режиму в

народе действительно удерживало большие коалиции элит от нелояльности по отношению к власти во время выборов, ибо элиты понимали, что даже если бы они сумели обеспечить свободные и справедливые выборы, их, скорее всего, выиграл бы Путин. В связи с этим усилия по организации мощного антипутинского протеста были обречены оставаться малозначащими и маргинальными. Все это спасло режим от лавинообразного дезертирства элит, которое могло бы поставить под вопрос само его существование. Показательно, что массовые протесты имели место именно в конце 2011 года — после заметного падения рейтинга Путина, однако это падение не было столь существенным, и более поздние опросы показали, что ко времени проведения президентских выборов в марте 2012-го его рейтинг восстановился³⁰. Путина все меньше поддерживают значительные сегменты населения Москвы и Санкт-Петербурга. Однако этого недостаточно, чтобы сформировать у режима чувство обреченности, напротив, его представители всячески упирают на как минимум пассивное принятие режима, а то и на реальную его поддержку «настоящей Россией», то есть за пределами вестернизированной столицы³¹.

Существует ряд реалистичных сценариев, согласно которым поддержка Путина и его политической системы в обществе может упасть до критической отметки (если только она уже не достигнута), и тогда режим может рухнуть или в результате очередных выборов, или под воздействием протестного движения. Совершенно очевидно, что значительный ущерб репутации руководства может нанести экономический спад³². Воздействие экономического спада не будет мгновенным и прямым, поскольку общественная поддержка режима многообразна (о чем свидетельствует то, как он выдержал тяготы мирового финансового кризиса 2008–2009 годов) и у него имеется целый

набор инструментов, чтобы — при правильном их применении — сохранить поддержку со стороны значительной части населения за пределами крупнейших городов³³.

Может оказаться, что за тринадцать лет, остающихся до 2025-го, главным фактором станет не сам по себе экономический рост, а то, насколько этот рост будет соответствовать повышенным ожиданиям или даже превосходить их. Экономический рост 2000-х обеспечил режиму общественную поддержку не только потому, что по мировым меркам он был достаточно высоким, но и потому, что он происходил на фоне одной из самых ужасающих экономических депрессий, когда-либо поражавших мировое общество в мирное время. Но именно успех 2000-х годов со временем может обернуться для режима, находящегося у власти в течение долгого времени, «ловушкой завышенных ожиданий», поскольку планка ожиданий установлена слишком высоко по сравнению с достигнутым уровнем. Тем самым желание получить больше может перерасти в жажду перемен. И когда экономический рост начинает восприниматься как нечто само собой разумеющееся, а воспоминания о 1990-х годах изглаживаются из памяти и уже кажутся не относящимися к делу, люди приходят к мысли, что имеет смысл рискнуть и поменять руководство. Вероятность такого развития событий повышается из-за широко распространенной коррупции, которая является очевидным источником неравенства и тормозом для развития экономического потенциала России. Иначе говоря, кризис может наступить даже в условиях устойчивого экономического роста, и можно предположить, что в ближайшие тринадцать лет одинаково вероятны и развитие, и кризис, но здоровый экономический рост наименее вероятен. Нынешний режим может выйти на более высокие темпы роста, проведя непопулярные радикальные экономические реформы, но многие из тех непо-

пулярных мер, к которым призывают экономисты, имеют весьма неопределенные шансы на успех. Как показали масштабные протесты снизу в ответ на монетизацию льгот в 2005-м, потенциал для массовых протестов, вызываемых непопулярными политическими решениями, остается значительным, и на сегодняшний день команда Путина не выказывает готовности стойко противостоять таким протестам и доводить реформы до конца.

Но не все вероятные причины снижения популярности режима коренятся в экономи-

системы и огромных усилий в постоянном поиске новых способов поддержания жизнеспособности режима (вместо тех, от которых пришлось отказаться), призванных обеспечить его надежной информацией в отсутствие свободно конкурирующих СМИ³⁴. В итоге неспособность оперативно реагировать на происходящее может породить глубокую пропасть между режимом и общественным мнением.

До сих пор, вот уже более десяти лет, Путин и его приближенные демонстриру-

“Путина все меньше поддерживают в Москве и Санкт-Петербурге. Однако этого недостаточно, чтобы сформировать у режима чувство обреченности”.

ческой ситуации. Некоторые из них вытекают из самой возможности существования режима Путина в течение двадцати пяти лет с момента его прихода на пост президента в 2000 году. С одной стороны, сама система микроуправляемой демократии требует постоянного творческого подхода и динамизма со стороны лидера, эффективных действий на опережение для решения новых проблем и смелого отказа от методов, которые когда-то были эффективными, но потом изжили себя и стали тормозом для системы. Дело в том, что такой режим по самой своей природе сопротивляется децентрализованным решениям, гасит очаги политической предприимчивости и конкуренции, которые в ином случае могли бы служить источниками важной информации и предлагать решения актуальных проблем, а в принятии кадровых решений обычно уповает в первую очередь на лояльность — в ущерб динамизму, креативности и высокой квалификации. Поэтому он поневоле требует от верховного патрона и его ближайшего окружения очень высокой степени персонализированного, ручного управления всеми элементами политической

ют удивительное искусство динамичного управления системой посредством разного рода инициатив. Но далеко не очевидно, что эта команда сможет управлять подобным образом еще десяток лет; если же в состав руководства войдут новые люди, не обладающие таким же талантом, вряд ли это пойдет на пользу режиму. Не исключено, что вскоре это удастся проверить. Например, Владислав Сурков, ключевой стратег режима с большим опытом работы, ушел из президентской администрации и, по крайней мере, временно вышел из игры после протестов 2011 года. Можно усомниться в политической мудрости тех, кто осудил на два года тюремного заключения молодых женщин из панк-рок-группы *Pussy Riot*, однако долгосрочные последствия этого и других недавних событий можно будет оценить только через годы³⁵. Подобную реакцию властей можно истолковать как попытки угодить тем, кого Наталья Зубаревич называет большой «второй Россией» «синих воротничков», живущих в средних по величине городах России и составляющих более трети населения; однако картина становится все более непригляд-

ной, и, если оставить все как есть, это может сыграть против режима³⁶.

В связи с этим одной из самых больших проблем является поддержание общего впечатления, что власть не оставляет без внимания чаяния людей. Опросы неизменно показывают, что граждане России предпочитают сильное руководство и, полагая коррупцию неизбежной, готовы довольствоваться малым, предоставляя лидерам большую свободу действий в целях личного обогащения и другой незаконной деятельности. При этом важно отметить, что значительное большин-

возникнуть нарастающее ощущение, что страной правит геронтократия, если только не удастся найти механизм обновления кадров. Такая перспектива должна беспокоить администрацию Путина, ибо старение лидера повышает вероятность превращения его в «хромую утку», которая вот-вот должна сойти с политической сцены просто по причине завершения естественного жизненного цикла. И когда неожиданно возникнет критическая ситуация, резко повысится вероятность раскола элит, как это было в ходе «арабской весны». Так, в Египте решение военных

“Выдвижение самим Путиным на пост президента **нового и более молодого политика дало бы режиму шанс восстановить динамизм руководства”.**

ство людей желает, чтобы те же самые лидеры уважали их права и откликались на их самые насущные нужды³⁷. Один из парадоксов микроуправляемой демократии состоит в том, что чем больше режим боится нестабильности и поэтому стремится сконцентрировать власть в руках одного лидера, тем больше вероятность того, что этот человек допустит оплошность и один его неверный политический шаг может спровоцировать целую череду протестов, способных дестабилизировать режим. За один год он может и не допустить серьезного промаха, однако вероятность хотя бы одной крупной политической ошибки в течение тринадцати лет достаточно велика.

Эти системные проблемы усугубляются перспективой старения руководства. В октябре 2012-го Путину исполнилось 60 лет, значит, в 2025-м ему будет уже 73 года, то есть он будет примерно в том же возрасте, что и Константин Черненко на момент его прихода к власти в СССР, и старше Юрия Андропова. Его соратники будут стареть вместе с ним, и в следующем десятилетии может

перейти на сторону протестующих и отстранить Мубарака от власти многие объясняют тем, что они не были согласны с планами президента объявить сына Гамалья своим преемником на приближавшихся президентских выборах в 2012 году, и тем же стремлением не допустить наследования власти в стране руководствовались молодежь и другие протестные группы населения³⁸.

В свете этих событий политическое хакири Дмитрия Медведева, когда он был вынужден в 2011–2012 годах уступить президентство Путину, можно считать серьезным ударом по долгосрочным перспективам выживания режима, ибо Медведев в течение некоторого времени — потенциально — олицетворял более молодое, более «современное» поколение эволюционирующего режима, которое сделало бы египетский сценарий менее вероятным. Кроме того, он представлял собой естественный центр, вокруг которого могли бы сплотиться элиты, случись с Путиным нечто экстраординарное. Вместо этого по репутации Медведева как человека, способного стать сильной и неза-

висимой политической фигурой, был нанесен сокрушительный удар в глазах элиты и значительной части населения, когда Путин с легкостью отстранил его от президентства. В качестве утешительного приза Медведев получил пост премьер-министра, но его авторитет среди элиты все равно резко упал, и в августе 2012-го некоторые высшие военные чины даже припомнили ему то, что во время войны 2008 года против Грузии он якобы проявлял нерешительность, пока не вмешался Путин³⁹. Эти события, в том числе и решение Путина вернуться на пост президента, отражают более глубинную проблему микроуправляемой демократии: не только сам лидер, но и ключевые элиты могут начать считать его незаменимым, а желание не стать «хромой уткой» или не допустить внутри-элитных войн может повести к пренебрежению подготовкой (и даже препятствованию ей) молодых перспективных политиков, которые могли бы стать естественными преемниками уходящих руководителей.

Конечно, есть вероятность того, что власть найдет способ сохранить общественную поддержку, как ей удавалось это делать до настоящего времени. Напомним, что в 2000-м мало кто ожидал, что уровень поддержки правящего режима будет оставаться столь высоким на протяжении целого десятилетия, несмотря на серьезный экономический спад в 2008–2009 годах. В мировой истории найдется немного примеров столь длительного высокодинамичного и пользующегося широкой народной поддержкой лидерства, которое, как кажется, бросает вызов законам старения человека. Таким можно считать правление Ли Куан Ю в Сингапуре, а если поискать поближе к России, то, наверное, следует указать на Нурсултана Назарбаева в Казахстане, хотя есть признаки того, что с годами удача начинает покидать его⁴⁰. В свете вышеизложенного шансы на то, что Путину удастся сохранить нынешний уровень

поддержки народа до 2025 года, невелики, если только в 2018-м он не сделает то, чего не делал раньше, — организует реальную передачу власти представителю более молодого поколения (правда, может оказаться, что уже слишком поздно). Но пока режим имеет основания считаться самой популярной силой в стране, его выживание вполне вероятно.

КРИТИЧЕСКИ ВАЖНЫЕ СОБЫТИЯ, КОТОРЫЕ МОГУТ СТАТЬ СПУСКОВЫМ КРЮЧКОМ МАССОВЫХ АКЦИЙ ПРОТЕСТА И СКООРДИНИРОВАННОГО ОТХОДА ЭЛИТ ОТ РЕЖИМА

Если общественная поддержка режима снизится до уровня, при котором оппозиционная политическая деятельность станет привлекательной для критической массы амбициозных политических и экономических элит, то какие важные события с наибольшей вероятностью способны инициировать неудержимый массовый порыв к чему-то или кому-то новому в промежутке между нынешнем временем и 2025 годом? Скорее всего, если полагаться на постсоветский опыт, таким критическим событием могли бы стать выборы с участием хотя бы некоторых кандидатов от оппозиционных сил. Если уровень популярности президента упадет только после 2018-го, то есть он останется популярен до следующих запланированных президентских выборов, то режим сможет выдержать испытание 2018 года: Путин почти наверняка обеспечит себе переизбрание или же поступит так же, как в 2008-м, сделав наиболее вероятным (благодаря президентской поддержке) преемником специально подобранного кандидата, достаточно способного и с неподмоченной репутацией. Лучшим вариантом для режима стало бы выдвижение самим Путиным на пост президента нового и более молодого политика, что дало бы режиму шанс восстановить динамизм руководства и сохранить народную поддержку на ближайшие годы. Если же Путин решит остаться, он рискует за шесть лет после 2018

года растерять популярность, что может помешать и успеху комбинации с подобранным им преемником.

Если же падение популярности Путина произойдет еще до 2018-го, то многое будет зависеть от того, решит ли он баллотироваться еще раз или выберет вариант с преемником. В последнем случае «наследование» вряд ли пройдет так же гладко, как в 2008-м, и парламентские выборы 2017 года (и даже предшествующие им местные выборы по всей стране) рискуют превратиться в решающее сражение, в котором элитные группировки,

властями, режим будет становиться все более уязвимым к случайным, непредвиденным событиям, способным вызвать внезапные и стремительно нарастающие массовые протесты, которые, в свою очередь, могут привести к потере чиновниками уверенности в неизменности режима и их массовому отказу от его поддержки. Такого рода события еще более непредсказуемы, чем результаты выборов в условиях реальной конкуренции. В данный момент неясно, достиг ли Путин столь низкого уровня популярности, при котором может произойти нечто подобное: ведь даже после

“Если Путин и его окружение продолжат давить на оппозицию, режим будет становиться все более уязвимым к случайным, непредвиденным событиям”.

готовые бросить вызов Путину, смогут проверить свою способность воспользоваться недовольством масс и инициировать измену элит. И, как указывают Михаил Дмитриев и Сергей Белановский, трещины в режиме обнаружатся задолго до 2017-го, так как оперативную подготовку к выборам элиты начнут намного раньше⁴¹. Если Путин, уже потеряв популярность, все же решит баллотироваться в 2018 году, президентские выборы могут стать спусковым крючком организованного выступления масс и элит против него; однако постсоветская история свидетельствует, что если Путин совершенно четко даст понять, что он хочет в очередной раз стать президентом, у него будут большие шансы на победу. Но в преддверии президентских выборов 2024-го это, конечно, было бы для режима катастрофой, и критической точкой тут станут «праймериз» элит на парламентских выборах 2022 года (с образованием расколов внутри режима еще раньше — при подготовке элит к сражению)⁴².

Конечно, если Путин и его окружение продолжают давить на оппозицию, лишая ее любых возможностей реально соперничать с

2011 года уровень его поддержки в народе гораздо выше, чем у большинства лидеров, свергнутых по похожему сценарию во время «цветных революций» 1989-го или в ходе «арабской весны». И даже если его популярность снизится до критической отметки, то, как показывает история, период времени до критической точки, вызывающей скоординированный переход элиты на сторону его противников и последующий крах режима, может быть весьма длительным. Мубарак, прежде чем уйти, правил в Египте тридцать лет, как и президент Бен Али в Тунисе. Так что, если считать, что Россия следует этой модели, нынешний режим вполне может сохраниться и после 2025 года. Однако все это время будет существовать опасность того, что в любой момент могут вспыхнуть массовые протесты и начнется дезертирство элит, и хотя такие потрясения спрогнозировать намного труднее, их последствия для нынешних руководителей (как показывает судьба Мубарака) будут гораздо более тяжелыми, чем в случае революции посредством выборов. Поскольку власти сумели противостоять московским протестам,

в которых участвовало более ста тысяч человек, понятно, что волнения такого же масштаба вряд ли вызовут у чиновников достаточно сильный и всеобщий испуг, способный спровоцировать их массовый отказ от поддержки режима. Планка поднялась выше, и теперь потребуются нечто более масштабное.

При этом важно также отметить, что Кремль до сих пор не подавлял оппозицию в той степени, в какой это делалось во многих арабских странах до волнений 2011-го. А в 2012-м Путин одобрил некоторые меры, как минимум потенциально расширяющие возможности участия оппозиции в политике, в частности, либерализовал регистрацию партий (что, правда, больше послужило интересам Кремля). Таким образом, если режим продолжит нынешний курс, именно выборы, скорее всего, станут критическим событием, вокруг которого будет формироваться недовольство, перерастающее в нестабильность режима, хотя это, конечно, переменная величина, требующая отслеживания. Кроме того, следует учитывать вероятность того, что руководство осознает риски, связанные с продолжением нынешнего курса, и опасность краха, а значит, может начать либерализацию в рамках того, что Владислав Иноземцев назвал «превентивной демократией», в качестве прелюдии к демократии реальной⁴³. Однако события 2011–2012 годов демонстрируют низкую вероятность такого варианта, если только режим не столкнется с гораздо более масштабными и длительными протестами или не ослабнет в результате значительного снижения общественной поддержки (и все поймут, что он действительно слабеет).

ФАКТОРЫ, СПОСОБСТВУЮЩИЕ УКРЕПЛЕНИЮ ДЕМОКРАТИИ ПОСЛЕ СМЕЩЕНИЯ НЫНЕШНЕГО РУКОВОДСТВА

Как уже отмечалось выше, смена руководства сама по себе не равнозначна смене режима, но демократизация становится более вероятной, если новые лидеры хотя бы на словах

оказывают ей поддержку и если действуют ключевые факторы, способствующие, как показывает сравнительный анализ, переходу к демократии. Могут ли подобные предпосылки сложиться в России к 2025 году? Наверное, разумно будет исключить такие факторы, как тесная связь с Западом и восприимчивость к западному влиянию, то есть именно те движущие силы, которые, как показывают многие исследования, послужили предпосылкой для успешных переходов к демократии в Европе и Латинской Америке⁴⁴. Мало кто ожидает, что взаимопроникновение России и Запада достигнет такого уровня, что в следующие десять лет Россия станет податлива к воздействию Запада, особенно с учетом того, что Европейский союз переживает кризис и это на ближайшие годы снижает его привлекательность для его возможных будущих членов, а путинское руководство понимает, что интеграция с Западом приведет к усилению давления на нынешнюю систему власти.

Более перспективным фактором демократизации следует считать экономический рост. Устойчивое экономическое развитие повышает вероятность того, что будущая смена руководства приведет к реальной демократизации, и вполне возможно, что если России удастся, например, удвоить ВВП на душу населения и избежать крайностей в том, что касается неравенства доходов, то под демократические преобразования будет подведен прочный экономический фундамент. Кроме того, нельзя полностью исключить возможность конституционных изменений, хотя президентская модель правления в целом, конечно, остается привлекательной для тех, кто имеет шанс занять пост президента. Тем не менее при непопулярном президенте поддержка сильной президентской власти может ослабнуть. Наиболее вероятные варианты конституционной реформы с целью более сбалансированного распре-

деления властных полномочий могут быть такими: 1) президент собирается оставить свой пост из-за потери популярности или по другой причине и поэтому принимает решение перераспределить власть таким образом, чтобы его преемник не мог получить слишком много полномочий и причинить вред его интересам, когда он уйдет с должности (по-видимому, примерно такой процесс идет сейчас в Грузии); 2) тупиковый уличный конфликт между властью и оппозицией может разрешиться компромиссом в виде перераспределения исполнительной власти (украинский сценарий 2004 года); 3) оппозиционная коалиция приходит к власти, не имея бесспорного лидера, и обязуется равномерно распределить исполнительную власть между различными партиями для укрепления коалиционного соглашения (киргизский сценарий 2010 года). Конечно, результаты таких формальных конституционных изменений далеко не очевидны, и, как показывает пример Украины, не всегда сбалансированное распределение власти гарантирует ее работоспособность. Но в России это может открыть путь к демократии, особенно если удастся использовать оставшееся время для тщательной разработки реформ.

Сценарии

Проделанный анализ позволяет говорить о нескольких кластерах сценариев; каждый кластер представляет собой совокупность схожих сценариев, реализация которых приводит к примерно одинаковым результатам, если иметь в виду общий характер политической системы. Поскольку основное внимание здесь уделяется перспективам реального изменения политического режима, основные кластеры, рассматриваемые ниже, представляют собой инерционные сценарии плюс два сценария, предусматривающие серьезные изменения, а именно становление успешной полной автократии и демократизация⁴⁵.

ИНЕРЦИОННЫЕ СЦЕНАРИИ Имеются два главных инерционных сценария, и какой из них сможет реализоваться, будет зависеть от уровня общественной поддержки, оказываемой Путину и его окружению. Первый сценарий можно условно назвать «продленным путинизмом»: Путин (сам или с помощью выбранного им преемника) продолжает осуществлять политику микроуправляемой демократии вплоть до 2025 года. Поскольку централизованное руководство микроуправляемой демократией — дело весьма трудоемкое и держащее в постоянном напряжении, реализация этого варианта потребует особой умелости и искусности, которые редко встречаются в современной истории, хотя в принципе такое возможно и пример тому — замечательное персональное руководство Ли Куан Ю в Сингапуре. Но в нашем случае этот стиль руководства придется воплощать в жизнь в одной из самых крупных и сложных для управления стран мира, не имеющей ничего общего с Сингапуром. Альтернативой «продленному путинизму», которая избавила бы самого Путина от бремени продолжения на удивление — нужно признать — квалифицированного микроуправления страной, может стать использование им своей пока еще сохраняющейся популярности для того, чтобы возложить эти обязанности на сильную правящую партию, которая смогла бы создать регулярный, предсказуемый и в целом приемлемый для большинства механизм обеспечения преемственности. В этом случае принципиально важно, чтобы такая партия имела не только соответствующий институциональный аппарат, но и достаточно высокую репутацию в народе, опираясь на нечто большее, чем сам Путин, — может быть, на идеологию или успешный стиль работы. Это позволило бы Путину уцелеть, а системе укрепиться, даже если бы он потерял свое «тефлоновое покрытие». Доверие к такой партии может стать решающим фактором в моменты смены

высшего руководства, лишая другие элиты стимулов к серьезному противодействию. Институционно-революционная партия в Мексике оставалась у власти несколько десятилетий в условиях существования системы, похожей на микроуправляемую демократию, и это, пожалуй, хрестоматийный пример, хотя президент там мог занимать свой пост в течение только одного шестилетнего срока, а значит, соперники действующего президента могли надеяться занять его место уже через несколько лет.

“Вернувшись в 2012-м на пост президента, Путин тем самым усугубил проблему режима, связанную со сменой руководства”.

Однако Путин, похоже, упустил хороший шанс укрепить стабильность российской политической системы. В годы экономического подъема начала и середины 2000-х Путин имел возможность поделить с партией «Единая Россия» своим безоговорочным личным авторитетом и закрепить ее позиции в политической системе на многие годы вперед (как Кемаль Ататюрк надолго обеспечил твердые позиции для Народно-республиканской партии Турции), но он отказался стать ее членом, даже занимая формально должность председателя партии! Подобная дистанция между «Единой Россией» и Путиным, его язвительные замечания в ее адрес в критические моменты и отказ управлять страной с ее помощью не позволили партии стать подлинно стабилизирующим фактором. Резкое падение ее популярности в 2011 году и широко распространившийся обидный ярлык — «партия жуликов и воров» — заставляют предполагать, что ей, наверное, уже никогда не удастся стать по-настоящему стабилизирующей доминантной партией, подобной Институционно-революционной партии в Мексике, хотя нет

сомнений в том, что она располагает собственной электоральной базой, отличной от путинской, так что в будущем она может оказать ему некоторую поддержку⁴⁶. Вернувшись в 2012-м на пост президента, Путин тем самым усугубил проблему режима, связанную со сменой руководства, а именно еще более усилил ощущение собственной незаменимости. С течением времени это будет порождать все больше проблем, хотя в краткосрочной перспективе нахождение Путина на посту президента снижает неопределенность

момента. В общем, партийное строительство в рамках «продленного путинизма» выглядит все более трудным делом и потому представляется маловероятным.

Другой инерционный сценарий, который мы называем здесь «режимные циклы», может реализоваться, если до 2025-го популярность Путина резко снизится. Более короткий цикл может завершиться еще до президентских выборов 2018 года, если популярность Путина упадет значительно раньше и он попытается передать власть преемнику, что в результате приведет к синдрому «хромой утки» и к поражению Путина в соперничестве с оппозиционным кандидатом (возможно, перебежчиком из путинской элиты), который, скорее всего, проведет избирательную кампанию под знаменами демократии. Более длительный цикл возможен в том случае, если Путин останется у власти в 2018-м, но затем его популярность начнет резко падать и в преддверии выборов 2024 года развернется ожесточенная борьба за президентский пост, которая может достичь пика еще до самих выборов, в результате чего подобранный Путиным преемник

проигрывает. Такой сценарий «режимных циклов» возможен в отсутствие (а) быстрого и продолжительного экономического роста, обеспечивающего базу для поддержки демократии, и (б) замены президентской конституции на парламентскую или конституцию с разделением исполнительной власти⁴⁷. Если новый президент не допустит ни того ни другого, то высока вероятность восстановления пирамиды власти, очень похожей на микроуправляемую демократию Путина на ее ранних стадиях (именно на ранних, потому что новому лидеру придется выстраивать старую систему практически с нуля, в зависимости от масштабов раскола в борьбе за власть).

ПОЛНАЯ И ЭФФЕКТИВНАЯ АВТОКРАТИЯ (ИЛИ ПРЕВРАЩЕНИЕ РОССИИ В УЗБЕКИСТАН) Согласно этому сценарию, в ответ на протесты 2011–2012 годов политическая система становится все более закрытой, что очень похоже на реакцию европейских монархий в 1848-м на революции в своих странах: сначала тактические уступки, а потом закручивание политических гаек⁴⁸. Сегодня политическая система России начинает во многом походить на политическую систему Узбекистана. Чтобы такая очень закрытая система просуществовала в России до 2025 года, необходимо либо большое везение (то есть надо избегать возникновения критических событий, угрожающих целостности режима, как это долгое время удавалось делать Мубараку), либо умение обеспечить устойчивое экономическое развитие и сохранить высокий уровень популярности (хотя и здесь тоже присутствует значительный элемент везения). Режимы, подобные китайскому, имеют сильный партийный аппарат, который обеспечивает преемственность при смене высших руководителей и делает режим менее уязвимым для массовых акций протеста, но, как уже было сказано выше, Путин, скорее всего, упустил исторический шанс для создания такой партии в России.

СМЕНА РЕЖИМА С ПОСЛЕДУЮЩЕЙ ДЕМОКРАТИЗАЦИЕЙ

Настоящая демократизация в России возможна, как минимум, в трех случаях: (1) при смене руководства после периода быстрого экономического развития; (2) при смене руководства с последующей отменой президентской конституции; (3) при проведении превентивной демократизации по инициативе самой власти с целью предотвратить протесты, потенциально опасные для интересов режима. Последний вариант исключить нельзя, так как существует, по меньшей мере, некоторая вероятность того, что могут вспыхнуть по-настоящему массовые демонстрации против режима, значительно более крупные, чем в 2011–2012 годах. Однако реакция властей на последние показывает, что они прибегнут к этому средству в последнюю очередь, когда никаких других выходов не останется. Конституционные изменения возможны, хотя и маловероятны по причине личной заинтересованности большинства соискателей президентства в сохранении сильной президентской власти и ввиду популярности фигуры сильного лидера в широких слоях населения. Наибольшие же шансы на демократизацию России обеспечит ее устойчивое экономическое развитие, хотя мировой исторический опыт показывает, что само по себе оно не приносит демократизацию, а лишь усиливает демократические инициативы, возникающие по другим поводам.

Заключение: оценки относительной вероятности сценариев

Один из выводов, вытекающих из этого анализа, состоит в том, что многое зависит от случайных факторов. В первую очередь и прежде всего — это воля самого Путина. Вся система очень сильно завязана на его личности, и если он решится на демократизацию или на отстранение де-факто реальной оппозиции от выборов, шансы обойтись без инерционных сценариев значительно воз-

растут. И без этого многое будет по-прежнему зависеть от Путина: для демократизации ему, вероятно, придется изменить конституцию, чтобы не допустить реализации инерционного сценария «режимных циклов», а переход к полной автократии потребует от него экстраординарного мастерства и незаурядной интуиции еще в течение доброго десятка лет, причем при отсутствии достоверной информации и возможностей надежного прогнозирования, которые могли бы быть обеспечены конкурентными выборами. Если

ного путинизма». Уровень общественной поддержки, конечно, частично зависит от самого Путина и его команды, особенно от его способности избежать серьезных ошибок и выработать перспективу развития России, которая будет поддержана обществом. Но сыграют свою роль и такие факторы, как экономический рост и изменения, происходящие в обществе, а также то, каким образом будет эволюционировать отношение общества к существующему режиму. Установлено, что экономическое развитие прямо влияет

“Если Путин решится на демократизацию или на отстранение реальной оппозиции от выборов, шансы инерционных сценариев значительно понизятся”.

Путин попытается пройти весь путь вплоть до полной автократии и при этом не сумеет сохранить высокий уровень своей популярности, в России может произойти череда всякого рода стихийных событий, которые способны сыграть определяющую роль и внезапно привести к взрывам протестов, чреватых неожиданным распадом режима, дотеле казавшегося непоколебимым. Общественное мнение само по себе должно рассматриваться как самостоятельная независимая переменная, поскольку оно может меняться независимо от социально-экономических изменений и замыслов элиты, будучи вызвано весьма неясными причинами, способными значительно повлиять на общественную поддержку тех или иных политических изменений, на которые элитам, согласно большинству сценариев, придется как-то реагировать.

Несколько менее стохастической выглядит переменная общественной поддержки, которая в большой мере определяется тем, будет ли успешной попытка перехода к полной автократии, а в случае реализации инерционного сценария — будет ли это вариант «режимных циклов» или вариант «продлен-

на перспективу смены режима (более высокий уровень развития делает смену режима более вероятной), что любая политическая возможность, возникающая, например, в результате случайного потрясения, имеет шансы привести к политической либерализации и, возможно, демократии. Кроме того, считается, что система микроуправляемой демократии развивается по собственным законам и поддерживать ее длительное время крайне трудно, потому что для этого требуется необычайно прозорливое, тонкое и гибкое руководство.

Что можно сказать о вероятности перемен под влиянием этих факторов? Очевидный вывод состоит в том, что Путин не проявляет особого стремления к демократизации. С другой стороны, он не пожелал и пройти весь путь до полной диктатуры, хотя мог относительно легко сделать это в 2007–2008 годах. В этом смысле Путин является типичным лидером гибридного режима, хотя его легче напугать, чем большинство других подобных лидеров, и ему недостает уверенности в своей способности победить в настоящей открытой политической конкуренции (у

Ельцина ее было намного больше). Отсюда следует, что Путин, скорее всего, будет по-прежнему придерживаться микроуправляемой демократии, в ответ на угрозы постоянно закручивать гайки и ослаблять их только при исключительном давлении, рискуя затянуть их слишком туго. Вышесказанное подводит нас к выводу, что долгосрочные перспективы экономического развития России неопределенны, а широкие социально-экономические изменения (в частности, расширение «первой России», по определению Зубаревич) будут происходить медленно⁴⁹. К тому же заметны признаки того, что тонкая настройка микроуправления становится все менее изощренной, а способность Путина поддерживать микроуправляемую демократию, вероятно, будет уменьшаться по мере того, как он будет стареть и утрачивать связь с реальностью.

Похоже, что наиболее вероятными являются инерционные сценарии, а точнее, сценарий «режимных циклов», хотя и сценарий «продленного путинизма» нельзя сбрасывать со счетов — вдруг удача улыбнется Путину! Если экономика будет устойчиво расти, а процветание в России выйдет за пределы Москвы, существует большая вероятность того, что сформируются условия, способствующие демократическим преобразованиям, которые могут начаться ко времени президентских выборов 2024 года. Более того, нельзя полностью исключать вероятность демократических прорывов и до 2018-го, хотя они должны подкрепляться не только некоторыми социально-экономическими изменениями, но и шансами на то, что поли-

тические перемены, связанные со сменой высшей власти, приведут к изменениям конституции, которые существенно усложнят структуру весьма протяженных политико-экономических сетей страны в рамках властной пирамиды. Нельзя исключить и вероятность того, что к 2025 году в России сформируется полная автократия (по типу Узбекистана), однако из рассматриваемых здесь сценариев этот наименее вероятен. Применительно к российской политике часто используется клише «ожидать неожиданного», и это более всего подойдет к варианту, когда руководство решится на реализацию сценария полной автократии, поскольку на этом пути успеха можно достичь только при наличии высоких экономических показателей и выдающегося таланта поддерживать коммуникацию с обществом, иначе выживание автократического режима будет слишком зависеть от случайностей. Специалист в области экономики Куран представляет это как аксиому социальной науки: революции, которые сотрясают весь мир и свержают диктаторские режимы, почти невозможно предсказать, потому что те критические обстоятельства, которые становятся их причиной, могут возникать в результате случайных событий. Последние же просто кристаллизуют эмоции, захватывают воображение или создают некие прорывы в сознании⁵⁰. Конечно, такие события происходят не часто, но по мере старения руководящего состава их вероятность повышается. Остается надеяться, что руководство это понимает и не допустит реализации самых опасных сценариев. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ См. напр.: *Дмитриев М., Белановский С.* Власть проходит период полураспада // *Vedomosti.ru*, 4.07. 2012, 01:01, http://www.vedomosti.ru/opinion/news/2245274/vlast_prohodit_period_poluraspada, accessed same day; *Shevtsova L.* Putin's Ironic Potential // Project Syndicate. June 26.07.2012. <http://www.project-syndicate.org/commentary/putin-s-ironic-potential>, accessed 18.08.2012.

² *Petrov N., Lipman M., Hale H. E.* Overmanaged Democracy in Russia: Dilemmas of Hybrid Regime Governance // *Carnegie Paper. No. 106.* Wash., DC: Carnegie Endowment for International Peace. Feb. 2010, http://www.carnegieendowment.org/files/overmanaged_democracy_2.pdf.

³ *Tilly Ch.* *European Revolutions: 1492–1992.* Oxford: Blackwell, 1993. P. 18 a.o.; *Tullock G.* *Autocracy.* Springer, 1987.

⁴ *Hale H. E.* Eurasian Politics as Hybrid Regimes: The Case of Putin's Russia // *Journal of Eurasian Studies.* Vol. 1. No. 1. 2010. P. 33–41.

⁵ *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность. М.: Московский общественный научный фонд, 1997.

⁶ *Gel'man V.* Political Opposition in Russia: A Dying Species? // *Post-Soviet Affairs.* Vol. 21. No. 3. P. 226–246.

⁷ *Голосов Г.* Демократия в России: Инструкция по сборке. СПб.: БХВ-Петербург, 2012; *Robertson G. B.* *The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-Communist Russia.* N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2011.

⁸ *Hale H. E.* *Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State.* N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2006.

⁹ *Robertson G. B.* *Op. cit.*

¹⁰ *Goode P.* *Boundary Issues: The Decline of Regionalism in Putin's Russia.* N. Y.: Routledge, 2011; *Hale H. E.* *Eurasian Politics...*

¹¹ Относительно роли идеологии и о причинах практического отсутствия ее как движущей силы в России см.: *Hanson S. E.* *Post-Imperial Democracies: Ideology and Party Formation in Third Republic France, Weimar Germany, and Post-Soviet Russia.* N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2010.

¹² Термин «микроуправляемая демократия» не означает, что в России и на самом деле существует демократия; относительно того, почему этот термин и его синоним «сверхуправляемая демократия» можно использовать, несмотря на то,

что Россия не считается демократией, см. *Petrov N., Lipman M., Hale H. E.* *Op. cit.*

¹³ *Hanson S. E.* *Op. cit.*

¹⁴ *Ibid.*

¹⁵ *Tucker J.* Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and the “2nd Wave” of Post-Communist Democratic Revolutions // *Perspectives on Politics.* Vol. 5, No. 3. Sept. 2007. P. 537–553.

¹⁶ *Hale H. E.* *Why Not Parties in Russia?; Idem.* *Perspective Great Expectations: Post-Soviet Regime Dynamics: 1992–2012 // Comparative,* draft book manuscript, 2012.

¹⁷ *Hale H. E.* *Why Not Parties in Russia?..*

¹⁸ *Ibid.*

¹⁹ На самом деле есть серьезные основания полагать, что именно поэтому авторитарные лидеры и позволяют себе их. См.: *Robertson G. B.* *Op. cit.* P. 12–13.

²⁰ *Kuran T.* *Private Truths, Public Lies: The Social Consequences of Preference Falsification.* Cambridge: Harvard Univ. Press, 1995.

²¹ *Bratton M., Walle N. van de.* *Democratic Experiments in Africa: Regime Transitions in Comparative Perspective.* N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1997.

²² Монографическое исследование «Арабской весны» с позиций политической науки см.: *Lynch M.* *The Arab Uprising: The Unfinished Revolutions of the New Middle East.* N. Y.: Public Affairs, 2012.

²³ *Cheibub J. A.* *Presidentialism, Parliamentarism and Democracy.* Cambridge Univ. Press, 2007; *Fish M. S.* Stronger Legislatures, Stronger Democracies // *Journal of Democracy.* Vol. 17. No. 1. Jan. 2006. P. 5–20; *Hale H. E.* Formal Constitutions in Informal Politics: Institutions and Democratization in Eurasia // *World Politics.* Vol. 63. No. 4. Oct. 2011. P. 581–617; *Idem.* *Perspective Great Expectations...; Levitsky St., Way L. A.* *Competitive Authoritarianism: Hybrid Regimes after the Cold War.* N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2010.

²⁴ *Cheibub J. A., Vreeland J. R.* *Economic Development and Democratization // The Dynamics of Democratization: Dictatorship, Development, and Diffusion / N. Brown (ed.).* Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press, 2011. P. 145–182; *Przeworski A., Limongi F.* *Modernization: Theories and Facts // World Politics.* Vol. 49. No. 2. 1997. P. 155–183.

²⁵ *Cheibub J. A.* *Op. cit.; Fish M. S.* Stronger Legislatures, Stronger Democracies; *Hale H. E.* *Formal Constitutions in Informal Politics.* P. 581–617; *Idem.*

Perspective Great Expectations; *Levitsky St., Way L. A.* Op. cit.

²⁶ *Cheibub J. A.* Op. cit.; *Fish M. St.* Op. cit.;

Hale H. E. Formal Constitutions in Informal Politics. P. 581–617; *Idem.* Perspective Great Expectations; *Levitsky St., Way L. A.* Op. cit.

²⁷ *Levitsky St., Way L. A.* Op. cit.; *Vachudova M. A.* Europe Undivided: Democracy, Leverage, and Integration after Communism. N. Y.: Oxford Univ. Press, 2005.

²⁸ *Levitsky St., Way L. A.* Op. cit.

²⁹ *Treisman D.* The Return. N. Y.: Free Press, 2011.

³⁰ *Hale H. E.* The Putin Machine Sputters: First Impressions of Russia's 2011 Duma Election // Russian Analytical Digest. No. 106. Dec. 21. 2011. P. 2–5; Коммерсант. 2012. 9 июня (<http://www.kommersant.ru/doc/1956023>, accessed June 10, 2012).

³¹ *Гудков Л.* Социальный капитал и идеологические ориентации // Pro et Contra. Май – июнь 2012. P. 6–31. Или, как минимум, лояльность «второй России», «третьей России» и «четвертой России» (за пределами крупных городов), которые, по мнению Натальи Зубаревич, по разным причинам остаются ориентированными на клиентелистское правление. См.: *Зубаревич Н.* Четыре России ([Vedomosti.ru](http://www.vedomosti.ru), Dec. 30, 2011, 00:02, http://www.vedomosti.ru/opinion/news/1467059/chetyre_rossii, accessed August 18, 2012).

³² *Treisman D.* Op. cit.

³³ *Colton T. J., Hale H. E.* The Putin Vote: Presidential Electorates in a Hybrid Regime // *Slavic Review*. Vol. 68. No. 3. Fall 2009. P. 473–503; *Гудков Л.* Указ. соч.; *Зубаревич Н.* Четыре России.

³⁴ *Petrov N., Lipman M., Hale H. E.* Op. cit.

³⁵ *Дмитриев М., Белановский С.* Указ. соч.; *The New York Times*. Aug. 18. 2012. P. 1.

³⁶ См.: *Зубаревич Н.* Указ. соч. Конечно, первоначальная команда Путина допустила несколько крупных оплошностей, в частности, невразумительную реакцию Путина на гибель подводной лодки с экипажем более ста человек в сентябре 2001 года («Она затонула»). Но тогда у них был некий запас времени, обусловленный бурным экономическим ростом и появлением нового энергичного президента, что резко контрастировало с экономическими неурядицами 1990-х и тогдашним больным президентом. Этот контраст обеспечивал им определенную фору. Нынешнее руководство не может себе позволить совершить столько ошибок.

³⁷ Данные опросов, подтверждающие это

утверждение, см.: *Hale H. E.* The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: Public Opinion Foundations of a Hybrid Regime // *Europe-Asia Studies*. Vol. 63. No. 8. Oct. 2011. P. 1357–1375.

³⁸ *Barany Z.* The Role of the Military // *Journal of Democracy*. Vol. 22. No. 4. Oct. 2011. P. 24–35; *Lynch M.* Op. cit.

³⁹ RFE/RL. Aug. 8. 2012, <http://www.rferl.org/content/putin-says-russia-had-plans-for-georgian-aggression-in-late-2006/24670673.html>, accessed August 19, 2012.

⁴⁰ *Peyrouse S.* The Kazakh Neopatrimonial Regime and Its Actors: Balancing Uncertainties Among the “Family,” Oligarchs and Technocrats // *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization*. Vol. 20. No. 4. Fall 2012.

⁴¹ См.: *Дмитриев М., Белановский С.* Указ. соч. Лев Гудков (*Гудков Л.* Указ. соч. С. 29) ожидает, что региональные выборы, которые проходят ежегодно, станут решающими моментами борьбы за изменение режима.

⁴² Термин «предварительные выборы, или праймериз, элит» был предложен Ольгой Швецевой. См.: *Shvetsova O.* Resolving the Problem of Pre-Election Coordination: The 1999 Parliamentary Election as Elite Presidential “Primary” // *Elections, Parties and the Future of Russia* / V. Hesli, W. Reisinger (eds). N. Y.: Cambridge, 2003.

⁴³ *Иноземцев В.* Превентивная демократия // *Ведомости*. 2012. 8 июня. С. 4.

⁴⁴ *Levitsky St., Way L. A.* Op. cit.; *Vachudova M. A.* Op. cit.

⁴⁵ Эти три кластера не исчерпывают всего многообразия, но именно они важны применительно к целям настоящей статьи. Вообще говоря, нельзя исключать возможности возникновения националистического, теократического, военного режима или режима, основанного на идеологических принципах. Но России повезло в том смысле, что здесь отсутствуют многие факторы, повышающие вероятность установления подобных режимов в других странах, а именно в ее истории нет ярких прецедентов прямого вмешательства военных в политику (см.: *Taylor B.* Politics and the Russian Army: Civil–Military Relations: 1689–2000. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2003; *Cheibub J. A.* Op. cit.), господствующая религия (в случае России – православное христианство) лишена выраженного экстремизма, а в части идеологии имеет место синдром «постсоветской усталости» от вездесущей идеологии коммунизма (*Hanson S. E.* Op. cit.). Конечно же

эти варианты могут неожиданно реализоваться в обстоятельствах продолжительного глубокого и турбулентного социально-экономического кризиса, например, в случае поражения в разрушительной войне; об этом не следует забывать, но будем надеяться, что вероятность подобного развития событий настолько мала, что нет нужды уделять ей много внимания в такой работе, как эта. Хотя история порой преподносит сюрпризы.

⁴⁶ Hale H. E., Colton T. J. What Makes Dominant Parties Dominant in Hybrid Regimes? The Unlikely

Importance of Ideas in the Case of United Russia: Paper Presented at the Annual Meeting of the American Association for the Advancement of Slavic Studies. Boston. Nov. 12–15. 2009.

⁴⁷ Ibid.

⁴⁸ Weyland K. The Diffusion of Regime Contention in European Democratization: 1830–1940 // Comparative Political Studies. Vol. 43. No. 8–9. 2010. P. 1148–1176.

⁴⁹ Зубаревич Н. Указ соч.

⁵⁰ Kuran T. Op. cit.